

Александр Харламов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Проклятие Белого лебедя

Приключения Дворкина

Александр Харламов

Проклятие Белого лебедя

«Автор»

2018

Харламов А.

Проклятие Белого лебедя / А. Харламов — «Автор», 2018

Четвертая книга из цикла “Приключения Дворкина”. На этот раз главному герою предстоит провести собственное расследование таинственных убийств, произошедших в настоящем замке под Шаровкой. Кто этот монстр, терзающий деревенских жителей ни одно десятилетие? И как он связан с историей, случившейся много лет назад в семье хозяина замка - барона Кенинга? Справится ли Дворкин на этот раз? Содержит нецензурную брань.

© Харламов А., 2018

© Автор, 2018

Глава 1

Я осторожно заворочался, чтобы не разбудить Светлану, сладко посапывающую у меня под боком. Чувство тревоги вдруг, нахлынувшее на меня с головой, не отпускало. Я покосился на часы за зеленой тяжелой шторой, сквозь которую просачивался бледно-серый рассвет, блин, половина пятого... Со вздохом перевернулся на другую сторону и с любовью взглянул на жену. Та улыбалась во сне чему-то своему. Густые светлые волнистые волосы разлетелись по всей подушке, забираясь и на мою. Руки сложены под щечку, а живот, который уже нельзя было скрыть гордо выпирал из-под сползшего одеяла.

– Малышка моя, – прошептал я, с трудом подавив желание поцеловать женщину, которая носила под сердцем моего ребенка, и аккуратно встал. Кровать традиционно скрипнула. Уж сколько раз я обещался ее выбросить, но все как-то руки не доходили, то мир спасать, то книжку писать. Шлепая босыми ногами по полу, я вышел из спальни, прикрыв плотнее за собой дверь. Светке нужен был отдых, хоть беременность она и переносила сравнительно легко и клубнику с солеными огурцами не требовала, зато до сих пор работала, стойко неся свою нелегкую службу на ниве харьковской гинекологии. И сколько споров и ссор мы пережили из-за этого. Я очень переживал, а вот моя жена находила, как всегда сотню аргументов, чтобы проигнорировать мои просьбы.

Мишка дрых. Дверь в его комнату была закрыта, а Эльвира Олеговна громко выводила музыкальные рулады храпа так громко и заунывно, что наша соседка снизу Дашечка давно уже не спала, молотя по батарее чем-то металлическим, но разве теще такой мелочью разбудишь.

Решив, что пора пить кофе, я прошел на кухню и щелкнул выключателем. Свет на мгновение ослепил меня, а когда я открыл глаза, то замер с открытым ртом, не решаясь произнести хоть слово, чтобы не спугнуть маленькое чудо, которое хозяйничало в нашей квартире. Таская за собой огромный веник по полу шуршало нечто коротконогое и малорослое, с виду напоминающее хобита. Это что-то весело напевало какой-то незатейливый мотивчик, посвистывая, видимо, на особенно понравившихся ему нотах.

Я протер глаза, надеясь, что это мне спросонья видятся разные лохматые чудеса. Когда странное животное не исчезло, а продолжило сметать крошки с пола в одну небольшую кучку, у меня мелькнула мысль, что я еще сплю, и мне снится какой-то дурацкий сон, но тут меня соизволили заметить. Лохматый гном медленно повернулся ко мне и озорно подмигнул.

– Уже проснулся, хозяин?– спросило весело оно, при этом голос у него был тонкий и звонкий, как у подростка. Круглая мордочка имела чуть примятый кошачий нос, большие темные глазищи и острые уши с длинными кисточками. Само оно было чуть меньше кота, стояло на двух лапах уверенно, при этом на каждой из лап у него было по пять вполне человеческих пальцев. Чуть кривоватые ноги так же были схожи с нормальными людскими. Вообще это нечто выглядело, как сильно заросший шерстью обычный ребенок.

– Ты кто?– строго спросил я, оправившись от первого потрясения.

Мой новый знакомец беспечно махнул рукой, отложил веник в сторону и с трудом вскарабкался на кухонный уголок. Свесил со стула свои короткие ножки и игриво пнул в бок мирно спящего кота Кекса. Тот обиженно мяукнул и величественно прошагал в коридор, не проявив ни капли агрессии.

– Хорошая киска, только по-моему очень ленивая,– заметил лохматый своим звонким голосом.

– Ты кто такой?– повторил я свой вопрос, стараясь чтобы голос не дрогнул, борясь с волной мурашек ползущих по моей спине.

– Семен – ваш новый домовый!– отрекомендовалось чудище мохнатое, надув грудь колесом и важно сложив руки.

– Кто?– осторожно уточнил я, надеясь, что мне послышалось.

– Семен– ваш новый домовый! Если ты хозяин глуховат, то ты скажи, я буду кричать громче...– повысил он голос.

– Не надо громче...– я панически оглянулся на дверь в спальню, за которой спала мирным сном Светка. Вот уж что было бы, если утром встала первая она... Я рассмеялся. А вот домовый принял мой смех на свой счет, надул губы и скривился презрительно:

– Ты не смотри, что я такой маленький! Мой род – один из самых именитых среди всех домовиков. Мой прадедущка у самого...

– Я верю! Верю!– поднял вверх руки я. От маленького мохнатого существа не исходило никакой угрозы, только непомерная важность, заносчивость и обидчивость. Вообще не зря он меня хозяином называет...– Лучше расскажи, как ты тут оказался? Раньше мы с тобой как-то не встречались...

– А я раньше тут и не жил!– заорал он так, что за стенкой затих храп Эльвиры Олеговны, считая, что я правда глуховат.

– Тихо ты!– цыкнул я на него, шелкнув чайником.– Кофе будешь?

Семен поерзал своей мохнатой задницей с коротким хвостиком на стуле, поудобнее устраиваясь, потом почесал у себя за острым ухом.

– Нее...Молочка б...

Я залез в холодильник и на булькал в миску Кекса чуть больше половины. Выжидательно уставился на Семена, который все это время молча наблюдал за моими действиями.

– И?– я вопросительно поглядел на него. Страх уже куда-то ушел. Домовенок напоминал живую мягкую игрушку, никаких опасений не вызывая. Да, характер у парня был мягко говоря не сахар, но зато со всеми нами, с семейством Дворкиных он явно сживется.

– Молодец, что решил попоить кота! А то он у вас какой-то дохленький,– похвалил он меня с надутыми губами. Сполз со стула и прошлепал к столешнице. Одним резким прыжком оказался наверху и маленькой косматой ручкой подал мне чашку.

– Извини...– смешался, наполняя ее до краев.

– Ничего!

Мы уселись за столиком. Чтобы хоть как-то загладить свой казус с миской, я достал какие-то Мишкины печенья, подставил под домовенка.

– Так откуда ты взялся?– снова спросил я, отхлебнув горячего кофе.

– Он еще спрашивает!– возмутился домовый.– Ты мою хозяйку убил? Убил...Теперь выходит ты мой хозяин...

– Стоп! Какую хозяйку?– насторожился я, мысленно прокрутив события последних месяцев. Кажется никого мне удалось за это время не убить.

– Ошибочка вышла, Семен. Я никакой твоей хозяйки не знаю, никого не трогал...

– А Милана?– домовый солидно отрыгнул и отставил чашку с молоком в сторону. – Она конечно хоть и была ведьмой, да стервой редкостной, а все ж человек...

– Послушай... Ее убили другие ведьмы!– начал оправдываться я, но Семен вдруг заплакался совсем по-детски. Его большие глазищи вдруг наполнились слезами, которые начали картинно падать на стол.

– Я тебя искал почти пол года...Прошел миллион квартир, пока добрался до тебя, а ты меня вот так на улицу...

Домовой легко прыгнул со стула и медленно побрел к выходу. Низко опустив свою косматую голову. Его ушки-кисточки совсем обвисли, а при каждом движении худенькая гибкая спинка жалко всхлипывала.

– Постой же...– остановил я его уже на пороге кухни.

– Значит берешь?– глаза Семена хитро блеснули.– ты знаешь какой я профессионал! Я и косы могу заплетать, и порядок навести, и совет дельный дать, да и...

– Можешь остаться,– выдохнул я, внутренне содрогаясь тому, как отреагирует моя семья на появление в ней еще одного члена, хоть и милого и косматого.

– Ура!– завопил Семен, высоко подпрыгнув.

– Только тихо!– прошептал я.– И просьба небольшая, Семен...Пока я буду готовить своих к вашему знакомству, спрячься где-нибудь в шкафу, поспи что ли...

– Спать?– зевнул домовой.– спать я люблю...Он тут же раскрыл шкаф и взгромоздился на полку с крупами. Едва я к нему подошел, как Сема уже громко храпел. Плюнув на нового обитателя квартиры, я немного покрутился по кухне, достав посуду из посудомойки, пошарил по холодильнику, как всегда не разобравшись среди наставленных мисок и лоточков, из которых теща так любит воздвигать египетские пирамиды, а потом встал Мишка. Прошлепал в ванную, а потом зашел на кухню. Подозрительно повел носом, разом проснувшись.

– Ты собаку купил?– спросил он, хотя я лично никакого запаха вообще не чувствовал, но что с него взять, все ж самый настоящий Хранитель Книги судеб и никак иначе.

– Гляди...– я подозвал его к шкафчику с крупами и приоткрыл дверцу. Семен лежал на спине, широко раскинув свои лохматые то ли руки, то ли лапы. Одна из них свалилась с полки и плетью висела в воздухе. Домовой сладко посапывал, видя какие-то свои безусловно приятные сны.

– Ух ты!– обрадовался Миша. Он с детства любил животных, правда особенно выделяя среди них всяких слизняков и улиток, но Семен похоже так же пришелся ему по вкусу. – Это кто?

– Тсс!– прижал я палец к губам.– Это Семен – теперь он наш домовой...

– Круто! А где старый?– задал резонный вопрос сын, не пришедший мне в голову раньше.

– Старый, наверное, нас не выдержал!– мы рассмеялись и прикрыл дверцу обратно.– Только ни мама ни тем более бабушка о нем не знают. Пока...– со вздохом заключил я.– Предлагаю их немного подготовить, а потом уже сообщить.

– Думаю, они будут рады,– подтвердил Мишка,– он такой милый!

Я, если быть честным, сильно сомневался в том, что это порадует наших дам, но сына разочаровывать не стал. Пожал плечами и предложил посмотреть вместе мультики. Мы ушли к нему в комнату, где уже через пару минут бесцельного брожения по просторам кабельного телевидения смотрели с удовольствием старого доброго “Тома и Джерри”. Засмотрелись так, что я если честно про Семена забыл...И тут же за это поплатился. О том, что домовой обнаружен, мы узнали сразу, как только вставшая Эльвира Олеговна полезла в шкафчик за макаронами, чтобы сварить нам их на завтрак. Такого отчаянного крика я не слышал никогда. Дверь в нашу спальню тут же хлопнула. Светка быстрее молнии помчалась на кухню, а потом присоединилась к маме, взвизгнув ничуть не тише. Из кухни послышался лязг сковородок, ворчливый голосок Семена. Мы с Мишкой переглянулись и решили пока не вступать, дождавшись, как дальше будут развиваться события, а события развивались стремительно.

От сильного пинка двустворчатые двери Мишкиной спальни настежь распахнулись, а на пороге стояла злющая моя любимая жена, державшая за ухо моего нового лохматого друга, которого я по доброте душевной приютил в нашей квартире. Семен даже не пытался вырываться. Вместо этого он кривлялся рожицы и подмигивал Мишки, найдя в лице сына своего самого верного союзника.

– Дворкин!– проревела, негодуя, моя Светлана, встряхивая домового, как мешочек с картошкой. Тот мяукнул и зарозовел. – Немедленно объясни мне, что в нашей квартире делает это?– шипя, проговорила она.

– Это не это... Это Семен!– пожал плечами я, опуская голову, видя, что жена еле сдерживается, чтобы не схватить меня за ухо точно так же, как и домовенка.

– А Семен у нас кто?– уточнила она ледяным тоном.

– Домовой...– просто ответил я.

Пальцы моей жены разжались, и Семен с противным мяуканьем упал на пол. Почесал ободранное ухо и счел за лучшее замереть, превратившись в скульптуру имени самого себя.

– У нас если и был домовой, то он был невидимый!– тихо и напряженно начала объяснять нам Света.– Он не спал на макаронах и не пугал до смерти мою маму! А этот домовой – неправильный, потому что мы его видим.

– Ему негде жить! Его бывшая хозяйка погибла, а он почему-то решил, что отныне мы его хозяева,– путанно объяснил я.

– Погибла хозяйка?– насторожилась жена.

– Милана,– пришлось уточнить мне.

– Милана...Значит, как ребеночка, так Светочка рожай, а как обеспечить жене минимальный уход спокойствие, так мы тащим в дом всякую...– она зло выдохнула и я думал, что все-таки она Семена пнет, но Мишкина мама сдержалась и выбежала молнией из комнаты.

– Фу...– вздохнул облегченно Семен, открывая глаза.– Серьезная у нас маманька!

– Семен!– закричали мы с Мишкой одновременно, но домовой и сам все понял. Прошлепал своими короткими лапами к нам на диван и взгромоздился на спинку, улегся поудобнее и тут же засопел. Мы с сыном ему мысленно позавидовали. Вот, что значит крепкая нервная система!

Жена вернулась через пару минут. Видимо, совсем успокоилась и приняла какое-то решение: – Значит так, Дворкин...Либо ты сдаешь это богатство Алаиде, либо вы вместе с Семёном отправляетесь искать себе новый дом. Ты меня понял?– строго спросила она, поглаживая круглый живот. Мне ничего не оставалось, как согласиться.

Глава 2

– Посмотрите же, какой прекрасный стиль, какие башни!– Заславский уныло плелся за риелтором, второй час слушая его рекламную болтовню.– А окна? Окна шедевр! Истинный шедевр! А лепнина?! Ах, какая лепнина!

Странно было слышать такого рода возгласы от крепко сбитого молодого человека, явно спортивно-бандитской наружности, но Мариночка – его личный секретарь рекомендовала этого парня, как лучшего среди продавцов недвижимости.

Сегодня объектом покупки являлся легендарный замок в селе Шаровка Богодуховского района Харьковской области, прозванный в народе “Белым лебедем” я раскинувшиеся корпуса, за белый цвет стен и за узкие окошечки-бойницы. Еще несколько десятков лет назад тут располагался тубдиспансер, а потом здание стояло заброшенным и никому не нужным. Замок хотели продать несколько раз, но вот только принадлежал он фактически не государству, как можно было подумать, а семье Кенингов, построивших его в начале двадцатого столетия. Потом страну захлестнули перемены, власть перешла к большевикам, а те с культурными ценностями особенно не церемонились, отдавая архитектурные изыски под довольно прозаические предприятия. Церкви под склады, замки под больницы. Пару месяцев назад Заславскому удалось выйти на правнука Леопольда Кенинга, которого по странному стечению обстоятельств звали, как и почившего дедушку. Вячеслав предложил сделку, но вот сам Кенинг в России пока не объявился, прислав вместо себя этого шустрого молодого человека, о котором Маринка навела справки.

Роман Чухненко– тридцати девяти лет отроду. Холост. Имеет в своем владении ”двушку” на Холодной горе, работает в риэлтерском агентстве с литературным названием “Морской Бриз”. Не судим, не привлекался, не...не...не...Хотя Заславский насквозь, по повадкам и поведению, видел в нем парня из лихих двухтысячных, которые в Украине были ни менее лихими, чем девяностые в России, когда бизнес и первоначальный капитал сколачивались не совсем законным путем. Будем справедливы, и сейчас мало, что в нашей стране изменилось. Та же дерганая походка, короткая стрижка, отрывистая речь и маленькая наколка на запястье, которую Вячеслав Сергеевич умудрился рассмотреть из-под обшлага дорого пиджака.

– И сколько хочет Леопольд Леопольдович за это барахло?– олигарх брезгливо обвел пальцем высящийся вдалеке замок.

– Порядка восьмидесяти миллионов гривен в пересчете по нынешнему курсу,– быстро ответил Чухненко, заглянув в папку.

– То есть здесь жили больные люди,– уточнил миллионер,– а палочка Коха здравствует больше трехсот лет, заметь!– поднял он нравоучительно вверх указательный палец.– Вы мне предлагаете заросший парк, полуразваленный замок с бродящей по ней инфекцией, которую еще надо вывести отсюда прежде чем приглашать сюда туристов, сделать ремонт за свой счет и все это безобразие за четыре миллиона долларов? Я правильно тебя понял?– Заславский нахмурился и внимательно посмотрел на Чухненко, который явно занервничал. Позади олигарха зашевелилась охрана во главе с бывшим гэбистом Константин Ивановичем.

– Простите, но это не совсем так...– начал оправдываться риелтор.– Согласен, замок находится в состоянии требующим косметического ремонта, но парковая зона...

– Косметического?– взревел Заславский.– ты посмотри на эти ступени!

Он быстро подбежал к широкой белой лестнице, ведущей в центральное крыло шаровской усадьбы. Со всего маху топнул ногой. Старый цемент осыпался, а вместе с ним отвалился кусок ступени, обнажив ржавую арматуру.

– Это ты называешь косметическим ремонтом?! А это?

Олигарх легко взбежал по лестнице и пнул дверь, которая закрипела. Зашаталась и обвалилась внутрь вместе с коробкой, подняв облако едкой строительной пыли.

– Мне его заново строить придется! Крохоборы!– он схватил Чухненко за руку и повел в зал. – Это отлично...лепнина ля-ля тополя. А окна? Окна ты предлагаешь оставить?– миллионер схватился за деревянную форточку, которая осталась у него в руках. Он брезгливо отбросил ее в сторону и вытер руки платком. Охрана, стоящая сзади, невозмутимо смотрела на такой экспрессивный метод ведения переговоров, привыкшая к своему шефу. – И так везде! Понимаешь? А вы мне четыре ляма зелени...Смех один!

– Парковая зона...

– Ты что, моих иностранных гостей предлагаешь в парке в шалаше поселить? Как Ленина в разливе? – стукнул кулаком в стену Заславский. На мягкой от сырости штукатурке осталась четкая вмятина.– Заладил со своей парковой зоной...

– Там триста метров лип, ветви которых растут вот уже больше века строго вверх, а легенды связанные с “Белым лебедем”...Это же прекрасная история любви!

– Легендами сыт не будешь,– буркнул Заславский,– моя цена пятьдесят и не миллионом больше. Так и передай своему коту Леопольду... Не нравится, пусть ищет других дураков, благо их в нашем богоспасаемом отечестве навалом. Ахметка Ринатов вон...Или Олег Колибок... Тому вообще можно сказать, что раньше замок принадлежал украинской шляхте и тот купит за любые деньги.

– Леопольд Кенинг наслышан о том, что в вашей...в нашей стране,– поправился Чухненко,– вы один из немногих с кем можно вести дела честно, а потому я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы уговорить его пойти на уступки. Пусть не такие...

– Только такие, мой дорогой!– разозлился олигарх.– только такие уступки приемлемы за эту халупу...

Чухненко поморщился, но спорить с клиентом не стал. Вместо этого он через силу улыбнулся и сделал приглашающий жест в сторону лестницы.

– А теперь приглашаю вас пройти наверх...

– Постой!– остановил его Заславский.– Мариночка, наш дорогой друг рекламирует парк с липами, растущими вверх. Возьми, пожалуйста, Костика и сходите с ним на осмотр. Чует мое сердце, что история с липами, такая же лажа, как и история с замком – прекрасным, как белый лебедь. Чухненко и в этот раз промолчал, лишь в его серых глазах мелькнуло что-то еле

уловимое, вроде удовлетворения, но Заславский этого не заметил. Вместо этого он шагнул на ветхую лестницу и начал рассказывать сколько будет стоить ее ремонт. Риелтор лишь уныло соглашался и следовал за ним, изредка напоминая. Что поговорит с хозяином о снижении цены.

Секретарь Марина мило улыбнулась Константин Ивановичу, который облегченно выдохнул, когда беспокойный отчего-то сегодня хозяин оставил их наедине. Он порывисто приблизился к девушке и обнял ее за плечи. Его серые глаза искрились желанием.

– Я уж думал он не уйдет никогда... – с жаром прошептал он, целуя мигом порозовевшие щечки секретаря Заславского. Потом его губы нашли ее, и мир сделал невероятный кульбит, перевернувшись с ног на голову.

– Костя... – прошептала она. Когда воздух в легких кончился. Ее жадные, чуть полноватые губы были приоткрыты. Они сводили бывшего гэбиста с ума, заставляя идти на самые безумные поступки, которые он думал, что уже и не совершит в своем пятидесятилетнем возрасте.

– Марин...

– Костя... – его руки бесстыдно шарили по ее привлекательному телу. Одна из ладоней опустилась на бедро, натянутое в тугий капрон. Ладно поползла выше, к самому заветному месту для любой женщины.

– Не сейчас... – секретарша легко высвободилась из жарких объятий начальника службы безопасности и отшатнулась назад, моментально поправляя растрепавшиеся волосы.

– Марин... мне кажется, что мы не встречались целую вечность, – Константин Иванович попытался снова захватить девушку в объятия, но та ловко вывернулась, игриво показав ему язычок.

– Шеф сказал проверить парковую зону замка, – пояснила она, тяжело дыша. Верхняя пуговичка на ее строгом жилете расстегнулась и из-под него было видно уголок нежнейшей загорелой кожи, в который бывшему гэбисту захотелось впитаться губами.

– Парк так парк... – пожал он плечами, вытирая выступивший на лбу пот.

Марина вышла из замка круто виляя бедрами, походкой манекенщицы, которая свела с ума ни одно поколение мужчин. А Константин Иванович сошел с ума при их первой встрече. Разведенный давным давно, всего себя посвятивший работе, он уже и не думал встретить на своем жизненном пути любовь, пока не появилась она... А потом Заславский предложил добросить ее до дома, а она остаться попить чайку. С этого момента все у них и началось. Остроты в их отношения добавляло то, что никто кроме них самих об их встречах не знал. Порой, влюбленные чувствовали себя семиклассниками, скрывавшими от родителей свой первый поцелуй. Это заводило, заставляло сердце трепетать еще сильнее, выбрасывая в кровь тонны адреналина. От красоты и сексуальности Марины у него сводило скулы, хотелось кусать ее губы, ласкать грудь, до изнеможения, до последнего вздоха.

– Постой же! – Константин Иванович догнал Марину у самого выхода, подхватил под руку, резко развернув к себе, поцеловал, впившись в нее, словно вампир в шею жертвы.

– Помада! – она пальцем стерла размазанный по лицу Константина макияж. – Твои орлы тебя не поймут, если ты выйдешь в женской помаде на все твое мужественное лицо...

Она рассмеялась и смех у нее был чистым и звонким. Словно звон первого весеннего ручейка.

– Плевать! Пусть завидуют, – коротко бросил начальник службы безопасности, – ведь они подкатывают к тебе? Кто-то, по-любому, делал непристойные предложения? Все лбы здоровые, молодые... Я их понимаю!

– Раз понимаешь, зачем спрашиваешь? – рассмеялась Марина, легко сбежав по осыпающим ступеням. Она любила его дразнить. Константину Ивановичу тоже хотелось рвануть вслед за ней, и тело еще бы смогло, не такой уж он был и старый, раз такая красotka остается с ним, игнорируя предложения более молодых охранников, но во дворе толпилась шоферня,

а при подчиненных он привык выглядеть солидно. Марина надела очки в золотой оправе, что придавало ей еще больше шарма, оправила жилет и обернулась у самого начала дорожки в парк.

– Константин Иванович, – позвала она, и голос этот звучал, для вроде опытного в амурных делах мужика, не хуже одиссеевских сирен, – вы идете?

Возле машин кто-то заржал. Володька Ерохин – молодой придурковатый парень из пригорода Харькова. Взяли его по протекции за несомненные качества водителя. Константин унытожающе посмотрел на него, а тот поперхнулся смехом, получил от своего старшего товарища заслуженный подзатыльник и затих.

Быстрым шагом начальник службы безопасности догнал Марину в темной аллее. О тротуарах тут и слухом не слыхивали. Во времена Кенинга их еще не знали, а в наше суматошное время, когда обычным работягам жрать было нечего и зарплату не платили месяцами, руки как-то не дошли обустроить прогулочную зону для больных туберкулезников.

– Воздух здесь и, правда, какой-то другой... – проговорила Марина, глубоко вздохнув полной грудью, с которой возбужденный Константин уже не сводил глаз.

– Какой другой? – пересохшими губами спросил он.

– Более кислородный, что ли... – задумчиво произнесла Марина. Они уже углубились в лес достаточно. Со всех сторон их окружали старые липы, подрезанные особым образом, и росшие действительно вверх. Хоть в этом пройдоха риелтор не соврал... Одурачивающий запах свежей весенней листвы сводил с ума, заставляя сердце учащенно биться.

– Костя, смотри! – позвала его Марина, присев возле огромного гладкого валуна, около которого все поросло желтой, еще не сменившейся после зимы травой. Бывший гэбист приблизился. Он уже давно снял галстук. Теперь он торчал из его кармана, неплотно всунутый внутрь.

– Как будто огромная галька... – Марина провела ладонью по черной гладко отполированной поверхности и игриво улыбнулась. – И теплый совсем!

Он все понял. Рывком посадил ее на валун, покрывая поцелуями ее шею. Девушка тихо застонала и прикрыла глаза от удовольствия, когда его язык коснулся ее груди.

– Костя...

Руки начальника службы охраны нащупали пуговицы на строгом жилете и начали их расстегивать. Они поддавались плохо, а он, не в силах больше терпеть, просто содрал Маринкины колготки вниз, поднимая юбку кверху.

– Войди... – попросила она, но вдруг в тишине раздалось что-то, что насторожило Костика. Его чуткий слух напрягся, различив в шорохе листвы шелест чьих-то быстрых шагов. Он замер над девушкой. Напряженно вслушиваясь в голос леса.

– Что? – удивилась она, не ждавшая сейчас никакой осечки.

– Тих... – договорить он не успел. За его спиной мелькнула серая тень, едва заметная на зеленом фоне парка. Чьи-то острые когти, как бритвы вспахали его спину, поломали ребра и выскочили наружу. Фонтан крови брызнул Марине на лицо, испачкав блузку и жилет. Она задергалась под мужчиной, но Константин Иванович весил немало. Сдвинуть его было непосильной задачей для хрупкой девушки. Она заерзала на валуне, закричала, позвала на помощь. Тяжелое мертвое тело кулем навалилось сверху. Кровь заливала глаза, попадала в открытый в ужасе рот. Марина поняла, что захлебывается, захлопала ресницами, надеясь на чудо, но только увидела перед собой, чуть выше плеча Костика косматую морду с янтарно жёлтыми глазами, поросшую жестким почти седым волосом. А потом все исчезло. Мир померк. Только боль в проколотах длинными когтями груди становилась сильнее. Она умирала.

Глава 3

Яна проснулась от настойчивого телефонного звонка. Кто-то усердно наяривал ей на мобильник, лежащий по старой привычке где-то под подушкой, и заканчивать не собирался, решив, что непременно желает услышать ее голос этим ранним утром... или обедом... или вечером? От этой простой мысли, что журналистка все проспала, девушка проснулась, резко

распахнув свои длинные ресницы. На настенных часах стрелки замерли на половине восьмого, только вопрос о том, что это утро или все-таки вечер оставался открытым. Шторы в спальне у Красовской были благоразумно задернуты. Слабый солнечный свет еле пробивался сквозь плотную ткань, распадаясь золотистым туманом по розовому покрывалу.

– Черте что...– ругнулась Янка, переворачивая все свое постельное белье в поисках настырно трезвонившего моби́льни́ка. Телефон обнаружился в узкой щели между матрацем и боковиной кровати. Он мигал всем своим экраном. Надрывно вибрировал, а на звонке висела картинка ехидно улыбающегося редактора. Красовская ругнулась и ответила.

– У аппарата...– растрёпанная со сна, она даже еще не успела толком проснуться, только лишь была ужасна зла, что ее побеспокоили... мельком глянула сколько время, дабы хоть как-то определиться в пространстве. Ага...значит все-таки вечер.

– Красовская!– заорали на другом конце трубки, словно редакцию газеты “Вечерний Харьков” неожиданно затопили или в нее ворвались инопланетяне, готовые немедленно установить контакт с землянами.

– Я уже много лет Красовская,– буркнула невежливо Янка, потягиваясь, словно дикая кошка по всей кровати. Ее изящное молодое тело вызывало похотливую тягу у многих мужчин города миллионника. Но пока еще ни один из них не задержался в квартире неутомонной журналистки больше трех часов, за исключением Дворкина, который сразу за год умудрился переночевать тут аж целых два раза, правда без серьезных последствий для своей семейной жизни.

– Ты дома?– уточнил редактор – лысеющий, красномордый, будто сеньор Помидор из сказки про Чиполино, мужик почти пятидесяти пяти лет отроду, страдающий недельными запоями и ничем не останавливаемой тягой к алкоголю.

– Нет, на Марсе, как прилечу, позвоню,– не долго думая, Яна сбросила вызов и запрягла телефон обратно под подушку. Вчера ночью, Красовская делала убойный репортаж про тайное неформальное сообщество городских гонщиков. За это время ей пришлось несколько раз пролететь на дорогих иномарках по Московскому проспекту на сумасшедшей скорости и набраться, дабы заглушить паническое чувство страха, маслянистой текилы до такой степени, чтоб бесповоротно потеряться не только во времени, но и в пространстве. Сейчас ей меньше всего хотелось слышать главного редактора и его душещипательные нравоучения, но звонок повторился, потом еще и еще раз. Янка, выдерживая свою линию, уж главной звездочке “Вечернего Харькова” такое позволительно, трубку не снимала, закрыв глаза, лежала в состоянии полудремы, наслаждаясь последними минутами отдыха, а в том, что отдых закончился она уже ни минуты не сомневалась. Через пару минут моби́льни́к запищал, извещая свою хозяйку об смс. Кряхтя, девушка повернулась на другой бок и посмотрела на голубоватый экран. С большими грамматическими ошибками и без знаков препинания, писал главный редактор и просил слезно срочно ему перезвонить. Красовская на секунду задумалась и все-таки нажала вызов. Начальник ждал ее звонка, все ж рука об руку проработали больше пяти лет, и он хорошо изучил своенравную сотрудницу–журналистку.

– Долетела?– переспросил он, усмехаясь.

– Откуда, шеф? Ты же знаешь, что я была на дрифте и...

– С Марса! Я помню, где ты была и в курсе, как это ни странно, твоего редакционного задания. Хотя все бывает наоборот!– ворчливо заметил босс.– Я никогда ни в курсе, где моя лучшая сотрудница, чем занимается и на какую тему принесет материал для следующей статьи...

– Что случилось?– по каким-то одной ей известной интонации, манере держаться и разговора, Яна поняла, что дело действительно серьезное. Шеф никогда бы просто так не стал ее тревожить, а тем более будить...

– По твоим прошлым статьям, я понял, что ты если не знакома близко... – это слово он выделил специально, давая понять, что вкладывает самый интимный смысл в слово “близко” – То не шапочно с нашим местным харьковским бизнесменом Заславским?

– У нас и близко ничего не было... – надулась Яна. – Он примерный семьянин и любит свою жену и дочь!

– Похвально! – рассмеялся редактор ей прямо в трубку, своим противным каркающим смехом. – В наше суматошное время это настоящая редкость... Только час назад мне позвонили из районной ментуры и предложили сенсацию...

– Что случилось? – уже встревоженно задала вопрос Красовская, окончательно стряхнув с себя сонное оцепенение. Голова заработала вновь, как вычислительная машинка, а тело пробила активная жажда деятельности.

– Ты в курсе, где вообще находится деревня Шаровка?

– Где-то под Чугуевым? – наугад ляпнула Янка.

– Мимо, Богодухов...

– У меня всегда было плохо с географией и вообще у меня топографический кретинизм, шеф! Так что произошло в Шаровке?

– Час назад в парке у замка “Белый Лебедь” нашли убитой секретаршу твоего олигарха некую Марину Игнатенко! – почти радостно сообщил редактор.

Ее Яна не помнила. В окружении Заславского крутилось много людей. Сильные мира сего – это своего рода астероиды, вокруг которых вертятся в орбите миллионы тонн космического мусора. Может ее повысили, может она переспала с кем надо и получила эту должность. Нет... ее Красовская не помнила.

– Что-то не припоминаю...

– Ну и хорошо! – возликовал шеф. – Вот на месте и разберешься, кто это такая, кем приходится Заславскому и что с ней произошло.

– Босс... – начала умоляюще журналистка.

– Никакие отговорки не принимаются! Ты дружишь с Заславским, никто кроме нас не владеет этой информацией, а значит у нашей газеты есть шанс получить самый настоящий эксклюзив.

– Какой эксклюзив?! – возмутилась Яна. – Бытовуха какая-то...

– Тем лучше! Ведь даже, если известный человек простите пер... нет, а нашим обывателям будет интересно, то это не бытовуха, а самая настоящая журналистская бомба!

– Когда надо ехать? – обреченно уточнила Янка.

– Толик уже под подъездом, поди замерз и все кофе в ларьке перетаскал... – радостно взвизгнул редактор.

– Значит вчера...

– Я люблю тебя, Красовская!

– А я тебя...

Но в трубке уже коротко пищали гудки. Яна посмотрела обреченно на телефон и с размаху бросила на кровать. Медленно побрела в ванную умыться и приводить себя в порядок. Если уж там труп, то пока не пройдут все следственные действия, то он никуда от нее не денется. Боже... как хочется спать. Она зевнула перед зеркалом и открыла холодную воду. Плеснула несколько раз на лицо, пытаясь проснуться. Ледяная вода обожгла нежную кожу и слегка помогла. Теперь макияж... Через десять минут журналистка при полном своем параде, в короткой юбочке ниже колен, длинных шпильках и кожаной курточке, выпорхнула из подъезда, где ее уже дожидался прогретый Уазик.

Толик за рулем что-то меланхолично жевал, глядя прямо перед собой. Он был из тех немногих мужчин, которые проявляли интерес к Красовской не больший, чем к идущим по улицам прохожим. Это Янку, конечно, немного задевало, но она поначалу, стараясь вызвать у

водителя хоть какие-то эмоции, успокоилась, узнав, что вечерами он ходит на собрание Свидетелей Иеговы, усердно там молится и делает почетные членские взносы. Это все объясняло... А когда она увидела еще и то, что он смотрит онлайн канал Возрождение, то все вопросы отпали сами собой.

– Куда едем?– спросил он, когда Янка, чуть не порвав колготки, забралась в легендарный внедорожник.

– Деревня Шаровка, Богодуховский район, замок там какой-то что ли... Белый лебедь называется...– нахмурила лобик Красовская.– Ты знаешь, где это?

Толик подумал несколько секунд, а потом уточнил.

– Это где тубдиспансер раньше был?

– Не знаю!– разозлилась журналистка, выложив на покатую панель свой потрепанный блокнот.– Боже, я плохо себе представляю даже, где этот Богодухов!

Толик тяжело вздохнул, видно было, что ему непросто работать с такой разгильдяйкой и не доставляет никакого удовольствия, и завел двигатель. Приглушенно урча, они, покачиваясь на неровной разбитой дороге, вырулили на Механизаторскую, а потом на Гвардейцев Широ-нинцев. Поток машин, благодаря вечернему времени, да еще и пятницы, увеличился. Харьковчане двигали в сторону своих дач, коттеджных поселков, деревень с огородами, чтобы начать весенне-полевые работы, пожарить шашлычок и отдохнуть от суеты города-миллионника. На нескольких светофорах они простояли в пробках, а когда вырвались на трассу мелькавшими возле дороги посадками, Яна достала из сумочки своей телефон. Покрутила в руках, найдя в контактах Заславского. Звонить или нет? А что, если сейчас Славу допрашивает милиция? А может это вообще розыгрыш? Как не силилась, но журналистка не могла вспомнить, даже как выглядит его помощница, наверняка, молодая девочка с ногами от ушей и стройной модельной фигурой... Наши бизнесмены других себе в помощницы не набирают, а зря... Была бы она страшенькая, никакой маньяк-убийца на нее не покусился, хотя человек безусловно жаль...

Дорога совсем испортилась, как это обычно бывает, когда отъезжаешь от города хотя бы на пару-тройку километров. Появились ямы и рытвины, будто после бомбежки. УАЗ натужно скрипел всеми своими сочленениями, медленно выворачивая из одной ямки в другую. Янку вместе с Толиком бросало из стороны в сторону, заставив ухватиться девушку за потертый металлический поручень возле маленького треугольничка окошка. Трасса закончилась началось форсирование преград, которое заняло примерно час езды, а потом они вырвались из ямочного ада, вырулили на проселочную дорогу и поехали уже бодрее. Как говорят в народе, только в нашей стране асфальтовую трассу предпочитают объезжать по обочине!

Проскочили на ходу указатели “Шаровка”, почему-то простреленный со всех сторон пьяными охотниками крупной дробью, напоминающий сито. Несколько старых домов, расположенных у края села, потом дома поновее, парочку вполне себе двухэтажных особнячков, построенных под дачи бизнесменов с Барабашово с коваными воротами, магазин, возле которого в тени растянутого тента, курил местный бомонд, попивая дешевое пиво из пластмассовых полторашек, здание приват-банка и местный отдел полиции, возле которого не было ни души, лишь одинокая дворовая псина, глядя машине вслед почесала за лохматым вислым ухом. У закрытого по причине позднего времени рынка крутились алкаши в поисках стеклотары. Возле ларька с сигаретами “Аттика” шумела молодежь. Оттуда шел дым столбом и дикий смех, играла музыка из пристроенных на обочине тюнингovaných и наглухо затоннированных жигулей. Яна вздохнула. Именно так выглядит праздничный вечер в украинской глубинке и никак иначе.

– Еще долго?– спросила Красовская. Настроение испортилось окончательно. Из развлечения в Шаровке она заметила только пивной и сигаретный ларьки. Именно возле них крутилась вся жизнь жителей деревни, а по телевизору правительство рассказывает...

Толик не ответил ничего. Он вообще был молчун, что не удивительно с его-то верой... Вместо этого он включил пониженную передачу. Машина медленно вползла на высокий холм, скатилась с него на холостых оборотах и повернула налево, где в ряд построились автомобили полиции. Аккуратно примостил свой Уазик в конце длинной очереди и заглушил двигатель.

– Я так понимаю приехали?– разозлилась Красовская. Шофер кивнул, откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, приготовившись к долгому ожиданию.

– Спасибо...– процедила Яна, хлопнув дверью так, что зазвенели стекла по всей кабине, но Толик и усом не повел, даже глаз не приоткрыл, только сделал приемник погроме.

Длинные шпильки провалились в мягкий грунт. Замявшись на месте, Красовская все-таки переобулась в легкие кроссовки, на всякий случай сложенные в сумочку. Туфли закинула на заднее сиденье, снова назло от всей души припечатав дверь. Огляделась по сторонам.

Перед Красовской открывался чудесный вид. Она стояла на небольшой полукруглой площадке, с двух сторон окруженной заболоченными прудами. Короткий каменный мост, украшенный резными перилами вел к самому замку, белеющему длинной лестницей вдаль. По обоим сторонам замка стояли две настоящие башни с узкими стрельчатыми окнами. С левой стороны сторожевая застава, домик для охраны, и все это украшено военными бастиями, колонами и прекрасной архитектурой, от которой дух захватывало. Правее мощеная природным камне дорожка вела в парковую зону, где стояло припаркованными два мерседеса охраны Заславского и слышались встревоженные голоса множества полицейских, крутившихся там в своей черной форме. Красовская удивилась тому, что раньше не побывала в этом загадочном и красивейшем месте. Шагнула на мост, свернула к месту происшествия, которое было обтянуто клейкой желтой лентой.

– Яна?!– ее окликнула из одной из машин. Голос был знакомый. Она обернулась. Из припущенного стекла на нее смотрел Заславский. Не сказать, что он был подавлен или огорчен, но и счастьем его лицо не светилось.– Что ты здесь делаешь?– спросил он, выходя из автомобиля. Тут же из соседних машин начали выходить его охранники. Зорким, сосредоточенным взглядом осматривать окрестности. У одного из них в руках появился пистолет.

– Это моя работа. Вячеслав Сергеевич,– улыбнулась она ему. Взгляд журналистки упал влево, где за клейкой лентой, накрытые пропитанными кровью простынями лежали два трупа.

– Значит журналисты уже знают...– обреченно уточнил миллионер.

– Пока только наша редакция, а кто второй?– она как можно спокойнее и небрежнее кивнула в сторону прикрытых от посторонних взглядов мертвецов.

– Мой охранник, Константин Иванович...Ты его должна помнить...

Яна кивнула. Она конечно же помнила серьезного импозантного седовласого мужчину средних лет, который когда-то их похитил с Дворкиным прямо в центре Харькова по указанию своего шефа.

– Вы кто такая?!– представители власти ее наконец-то заметили. Один из сержантов в черной униформе с блестящей огромной бляхой на груди, по виду напоминающей шерифский значок в штатах, подбежал к ним. Судмедэксперты подняли головы, чтобы рассмотреть виновницу переполоха.

– Работай, Антоша, работай,– быстро кивнул ему Заславский, небрежно махнув рукой,– это моя очень хорошая знакомая.

Взгляд полицейского скользнул заинтересованно по оголенным Яниным коленкам, задержавшись на бедрах, а потом он махнул рукой и побежал к своим товарищам, помогать...

– Так что произошло?– спросила Красовская почти шепотом.

– Этот замок я собираюсь купить!– сообщил ей угрюмо Заславский.– Запустить сюда туристов, сделать отличную гостиницу европейского уровня, привлечь инвесторов...Это доходный и интересный бизнес.

– Не сомневаюсь!– кивнула коротко стриженной головой журналистка.

– Сегодня в обед мы договорились с владельцем этого чуда, а точнее его представителем провести переговоры, чтобы обсудить цену, ну и осмотреть здание...

– Вы взяли с собой охрану и своего секретаря Марину Игнатенко?– насторожилась Красовская.

– Именно! Переговоры прошли практически успешно, оставался лишь вопрос цены... Я отослал Марину и Костю оценить парк, а когда они через час не вернулись, послал за ними. Охранник обнаружил их возле этого камня,– он кивнул на гладко обточенную глыбу, словно морская галька,– уже мертвых...

– То есть два человека,– нахмурилась Яна, пытаясь в своей голове разложить все по полочкам,– миниатюрная девушка и бывший боец КГБ пошли в лес, а нашли их уже мертвыми.

– Ну да...– Заславский чиркнул зажигалкой, выдохнул дым, нервно теребя в руках пачку.

– Кто-то убил хорошо подготовленного и вооруженного охранника, потом его спутницу, а никто ничего не слышал и не видел?

– Парк – место глухое, да аллея эта...

– Можно взглянуть на них?– попросила Янка.

– Только никаких фото, я не хочу, чтобы после смерти моих сотрудников их...ну ты сама понимаешь...– олигарх выбросил сигарету, притоптав ее каблуком и позвал давешнего полицейского.– Антошенька!

Молодой сержант рванулся к нему, словно от этого рывка зависела его дальнейшая карьера в органах, а может так оно и было. Красовская ехидно усмехнулась.

– Покажи-ка, Яне Викторовне пострадавших...

– Но...

– Никаких но!– разозлился миллионер, следуя за журналисткой и полицейским.

Антошенька наклонился над простынью. Аккуратно, боясь запачкаться в крови, поднял полог. Лица Марины и Константина были искажены ужасом. Глаза смотрели в одну точку, но в них было столько паники, что Красовская на минуту перестала дышать. Грудная клетка обоих была вспорота. Ребра вывернуты наружу. Яна вдруг ощутила, как к горлу подкатывает тошнота.

– Закрой!– скомандовал Заславский, заметив ее состояние.

– Я ж говорил, что не стоит...– пожал плечами полицейский.

– Пошел вон! Работать!– зло рявкнул на него олигарх, приобнимая Яну.– Ян, правда, может не стоило?

– Кто это сделал?– спросила она, подавив приступ тошноты.– Убийцу нашли?

– Ни орудия, ни убийцы...– горько усмехнулся Вячеслав Сергеевич.– Эксперты говорят, что раны нанесены острым предметом, имеющим пять наконечников, вроде так называемой “лапы”...

– “Лапы”?– нахмурилась Яна.

– Крепится на руку и напоминает медвежью лапу, только вместо когтей на ней закреплены тонкие полоски остро наточенных ножей...Страшная вещь, как мне подсказали.

– Маньяк?

– Все возможно...– пожал плечами Заславский.

– А Игнатенко с начальником службы безопасности вашей были в каких отношениях?– уточнила Красовская, отойдя от следственной группы и трупов подальше. Перед глазами все еще стояли останки двух людей.– Я просто увидела, что они...

– Скрывали, стервецы...– горько рассмеялся Заславский.– Может боялись огласки, может думали, что я их немедленно выгоню...

– Выгоните?– удивилась журналистка.

– У нас отношения между сотрудниками не приветствуются.

– Понятно! Вообще их застали за половым актом и убили.

– Не успели... Смерть наступила раньше. Ян... – неуверенно начал олигарх, что было на него и вовсе непохоже. – Менты будут землю рыть, искать этого придурка, но если бы вы с Дворкиным со своей... ээ... магической колокольни походили, посмотрели бы тут... Я был бы вам безмерно благодарен. Сделка почти совершена, думаю, что нынешний хозяин не будет против, если вы проведете собственное расследование, – миллионер внимательно посмотрел на журналистку, видя в ее глазах искренний интерес и явное сомнение.

– Хозяин замка может против и не будет, а вот Дворкин... – начала говорить Яна.

– Если мы вместе его попросим, думаю, что он согласится.

– Они со Светой ждут пополнение, и Сашка медленно превращается в подкаблучника, – пояснила Красовская.

– Я его понимаю, но...

– Хорошо! – согласилась журналистка. – Мы попробуем, но только вместе. Вы никуда не спешите? – Заславский покачал головой.

– Я уже все протоколы подписал, а то что еще напишут, привезут мне домой.

– Тогда едем к Дворкиным, а то мне самой как-то боязно!

Олигарх услужливо открыл двери своего мерседеса, усадил журналистку на заднее сиденье, а сам устроился впереди. Охрана последовала за ними. Тихо заурчал мотор, не то что в этом раздолбанном редакционном уазике. Кстати о Толике... Яна быстро набрала смс. Звонить не хотелось. Отпустила водителя домой. Шеф опять будет недоволен тем, что не знает, где она и чем занимается. Ну и пусть!

Глава 4

На улице смеркалось. Почти все следственные действия закончились. Парк перед Шаровским замком окончательно опустел. Затих вдалеке вой сирен, вместо него появились ночные шорохи, защебетали птицы. Ветер мерно колыхал в такт своим порывом верхушки деревьев, оставляя после себя прохладное послевкусие.

На пустынной аллее, появились две фигуры. Одна из них была длинная и приталенная, как жердь, а вторая крепко сбитая, колобкообразная, в которой без труда угадывался силуэт Романа Чухненко – того самого риелтора, который продавал эту усадьбу со всеми окрестностями. Они шли неторопливым прогулочным шагом и мирно беседовали. На длинной фигуре был глубокий плащ с капюшоном, приводящий многоопытного Чухненко в суеверный ужас не меньше, чем глухой хрипловатый голос, с каким он постоянно разговаривал, так и не видя лица собеседника. Все это продолжалось уже несколько недель, с того самого момента, как на номер Роман позвонил незнакомый человек и представился Леопольдом Леопольдовичем Кенингом – владельцем Шаровского замка, изъявив желание его продать по выгодной цене. Кенинг сообщил большой посреднический процент, но поставил неременное условие, что никто, в том числе и сам Роман не будет видеть его лица. С тех самых пор это условие соблюдалось непременно и неукоснительно.

– И что ты говоришь, сказал это Заславский? – хриплый голос из-под глухого капюшона был слегка с иностранным акцентом, что наводило Чухненко на подозрение, что его клиент действительно прожил долгое время за границей.

– Что цена излишне завышена, – пожал плечами риелтор. Он и так был уверен, что переговоры непременно сорвутся. Наследник Кенинга хотел слишком много за весь этот туристический комплекс.

– Я так и думал, – с удовлетворением хмыкнул голос, – и сколько же он предложил взамен?

– Он ополовинил вашу цену.

– Да... – задумчиво проговорила фигура в плаще.

– Сами поймите, он в чем-то прав. Замок хоть с виду и выглядит, как на картинке, но находится в плачевном состоянии. Многое пришло в негодность и требует ремонта, а это дополнительные средства, которые еще не факт, что окупятся по состоянию на рынке недви-

жимости в данный момент. Заславский покупает “кота в мешке”, неизвестно когда начнувшего приносить прибыль...

– Такое ощущение, что ты не мой, а риелтор этого олигарха, – в голосе Кенинга послышались недовольные нотки, от которых по коже Романа побежали мурашки. Так сильно он не боялся еще ни на одних разборках, как при виде блеснувших строгих светлых глаз из-под глухого капюшона.

– Что вы! Просто я всегда стараюсь выполнять свою работу хорошо, а тут...

– Тихо! – громко цыкнул на него Кенинг, вслушиваясь в неторопливый шепот леса.

Чухненко тоже прислушался. Пение птиц, шелест листвы и... Они достаточно далеко отошли уже от места убийства и углубились в парк, постепенно переходящий в настоящий лес. Со всех сторон их окружали тени деревьев, скрипели поломанные ветви, ухнул где-то неподалеку филин.

– Что такое... – начал он, но фигура в плаще приложила палец к губам. Аккуратно поманила его рукой куда-то в сторону от натопанной тропинки. Роману совсем не хотелось идти туда, куда звал его Кенинг, услышавший нечто странное, но он боялся! Боялся своего нового клиента до панического ужаса, захлестывающего его сознание через край, возможно, если бы перед ним не была бы фигура в старом потертом плаще, а преуспевающий англичанин в галстуке и дорогом пиджаке, то Чухненко посмеялся бы над своими страхами, но Кенинг одевался именно так, как одевался, придавая себе ореол таинственности и чего-то потустороннего. Риелтор шагнул следом за Леопольдом, опасаясь, что фигура вообще скроется из виду на фоне сгустившихся сумерек. Под ногами хрустели старые веточки, зашелестела сминаемая листва.

– Извините...

– Тсс! – Кенинг манил его рукой, продолжая двигаться вперед, уверенный, что Чухненко следует за ним. Хотелось бы Роману быть таким же, как этот несомненно сильный и авторитетный человек. И дело тут было не в плаще и ореоле загадочности. Любой мог нацепить эти шмотки и ходить, создавая важный вид, но этого было бы мало... Что-то такое было в Леопольде Кенинг, что-то, что заставляло ему безоговорочно подчиняться...

Теперь Роман смог хорошо расслышать чьи-то голоса и знакомые стоны. Это напоминало ему... Он чуть не рассмеялся. Напряжение, словно сброшенное с кнопки, ушло куда-то, оставляя после себя металлическое послевкусие. За чужим сексом он не наблюдал никогда в своей жизни.

Они вдвоем пробрались сквозь ветки, бурелом, наваленного сухостоя. Осторожно выглянули из-за деревьев. На небольшой полянке стоял заглушенный мотоцикл, а возле него на тонком шелковом парео лежала молодая парочка, издающая слышные издали ахи и вздохи. Неизвестно почему, но при виде этой картины, Роману показалось, что Кенинг еле заметно улыбнулся. Наступила кульминация, девушка сверху резко выгнулась дугой и закричала, упав практически без чувств на своего партнера.

– На дворе ночь, сегодня в парке было совершено убийство при похожих обстоятельствах, а эта безбашенная молодежь даже и не думает бояться... – проговорил спокойно он, неожиданно подталкивая Чухненко на поляну. – Пожалуй, надо бы их предупредить об опасности.

– Но...

– Неужели тебе их не жалко? – строгим голосом уточнил Леопольд. – А если убийца где-то рядом и только ждет момента, чтобы... Ну ты сам видел, что бывает с его жертвами...

– Я...

– Иди! – коротко приказал Кенинг, и в его голосе уже послышался металл. Ослушаться Чухненко уже не посмел. Аккуратно раздвинул сгрудившиеся сверху ветки и тактично покашлял, давая о себе знать.

Девушку спохватилась первой. Куда делась ее сладкая истома и нега, в которой она лежала рядом со своим парнем. Мигом она вскочила и прикрылась какой-то соей одеждой. Ее глаза

испуганно горели, а черные растрёпанные волосы топорщились ежиком. Парень тоже вскочил, растерянно искал глазами детали своего гардероба. Но они все были в руках у девчонки, а потому он просто зло кивнул Чухненко:

– Ты что здесь делаешь, придурок?– буром попер он то ли от испуга, то ли от неловкости ситуации.– Другого места не нашел? Или ты из тех, что подглядывают?– в молодом, еще ломком голосе парня послышалась насмешка. Они были совсем еще юны, наверное учились в каком-нибудь колледже или техникуме в Харькове, а сюда прибыли на выходные.

– Я просто хотел предупредить, что в обед в этом парке было совершено убийство при очень схожих обстоятельствах. Погибли взрослый мужчина и молодая девушка. Так что...– он замялся, подыскивая нужные слова.– Я бы не стал экспериментировать, а занялся этим делом лучше под крышей сеновала, рядом с людьми...

Девчонка тихо ойкнула, прикрыв еще больше свою маленькую девичью грудь. Ее глаза испуганно заматались и если бы она не была голая, то уже безусловно сорвалась куда-то бежать прочь, куда глаза глядят.

– Серьезно что ли убили кого?– нахмурился парень.

– Мужчину и женщину, при этом мужчина был вооружен боевым пистолетом.

– Не фига себе баян!– воскликнул парень.– А мне никто ни слова ни полслова... Мы только с учебы приехали, из Харькова!– самодовольно ухмыльнулся парень.– а ты вообще кто такой? Чего тут по лесу ночами шастаешь?– нахмурился он от пришедшей в его голову элементарной мысли. Инстинкт самосохранения у парнишки все-таки сработал только тогда, когда опал рабочий орган.

– Я риелтор, продаю одному очень известному человеку весь этот замок с окрестностями. Решил на ночь прогуляться, воздухом свежим подышать, в городе такого места не найдешь,– пояснил Рома. В его голове вдруг стало пусто. Мысли куда-то исчезли, он перестал думать совсем. Раздался настойчивый звон в ушах, словно звонок в театре с антракта. Чухненко дернулся и понял, что надо возвращаться к Кенингу.

– Ну я пойду...– Рома повернулся обратно к лесу, но в спину его догнал смущенный голос парня.

– Спасибо, друг, извини, если что не так.

Риелтор кивнул, борясь с мощнейшей головной болью, стучавшей не хуже набата по вискам. Он сам такого от себя не ожидал. Всегда спортивный, здоровый и улыбчивый, он впервые испытал такой приступ, когда впервые познакомился с Кенингом младшим. С тех пор, тот, и правда, стал для Чухненко настоящей головной болью. По мере ускорения шагов боль стихала. А когда Роман выбежал на тропинку из леса, тяжело дыша, совсем отступила. Барон Кенинг терпеливо стоял на небольшом мостике с коваными перилами и бросал в пруд камешки, наблюдая, как от их погружения по гладкой поверхности, покрытой ряской расплываются симметричные круги.

– Молодец, Ромка!– похвалил он его, даже не обернувшись на риелтора.– Буквально спас молодежь!

Он замер с камешком в руке, вслушиваясь в ночную тишину. Где-то левее, в том месте леса, откуда выбрался Чухненко гулко и порывисто заработал мотор мотоцикла. Замелькал на темном фоне луч передней фары искателя, разгоняя спустившуюся на парк мглу.

– А вот представь, что было бы, если б мы не предупредили бы их об опасности?– начал рассуждать барон, все-таки отпустив камень. Он с еле слышным шлепком вошел в воду, образовав темное окошко в плотном слое ряске.– Вдруг убийца бродит где-то неподалеку?

Роман испуганно обернулся, но никого и ничего не смог в кромешной темноте рассмотреть. Весь парк освещался лишь серебристым, еле заметным светом звезд и полной луны, укрытой пушистыми облаками, словно покрывалом, из-под которого она выглядывала своими тем-

ными проплешинами кратеров, как ребенок не желающий уснуть под нелюбимую сказку из-под одеяла.

– Убийца бы их нашел... Будь уверен, Ромчик, нашел непременно! Ведь им движет не мозг, а жажда, а она, как известно, может заставить найти воду в пустыне под палящим солнцем, – фигура Кенинга замерла на мосту. Тонкие пальцы в кожаных черных же перчатках обхватили перила, сжав их с такой силой, что Роман услышал, как захрустели кости в суставах барона. – Нашел бы он их, и что тогда? – казалось, что Кенингу не нужен был собеседник в этот момент. Он просто рассуждал, разговаривая сам с собой. – Жажда погнала бы его вперед, рвать, кусать, убивать... С жаждой нельзя бороться, ее нельзя победить, остановить, ей можно только покориться...

– Тихо... – рев мотоцикла стих где-то вдали.

– Можешь собой гордиться, Роман Чухненко, возможно ты спас две юных души...

– Вы что-то знаете об этих убийствах... – дрожащим голосом спросил риелтор, поеживаясь то ли от страха, то ли от подкравшихся незаметно ночных заморозках.

– Может знаю, а может и нет... – голова в капюшоне повернулась к Роману, и его затылок пронзила острая боль. В голову вонзились сотни маленьких острых иголок. Заставив померкнуть сознание. Оно потухло всего лишь на миг, погрузившись во тьму, а когда удачливый риелтор открыл глаза, то как ни в чем не бывало спросил у загадочного барона Кенинга, напроочь забыв о случайной парочке и словах Леопольда:

– Так, а что цена на замок? Заславский просит сорок миллионов, вы запросили восемьдесят? Я понимаю, что это вполтину меньше задуманного, но по-моему эта лучшая цена, которую нам на сегодня могут предложить...

– Поторгуйся, Роман! Я не могу отдать так дешево родительское гнездо.

Темная фигура Кенинга скрылась где-то в темноте парка, а риелтор остался один. Тяжело вздохнул и побрел к своей машине. Часы показывали полночь. Он и так сегодня выбился из всех своих возможных графиков и планов с этими убийствами. Решив, что завтра непременно свяжется с Заславским он завел двигатель и мягко тронулся, шурша колесами по свежее-зеленой траве. Его модная и дорогая иномарка медленно переваливалась на ухабинах и рытвинах проселочной дороги. Впереди, почти у самой деревни Шаровка он увидел свет фонарей и проблески маячков полицейских автомобилей. Инстинктивно притормозил, не отводя взгляда происходящего снаружи. Там на боку валялся красный мотоцикл, а на дороге раскинув руки лежали совсем молодой паренек и сопливая девчонка. У девчонки была неестественно вывернута голова, а парень напоминал сломанную марионетку. Его части тела лежали кулем. Над ним кто-то рыдал. Чухненко поморщился и невольно ускорился. Какой-то криминогенный райончик возле этого замка, подумал он, вырываясь на трассу, ведущую в Харьков.

Глава 5

Алаида Шпиц почти сразу взяла трубку. Разговаривала она на бегу, как всегда куда-то спеша. С того момента, как Заславский отремонтировал “крышу мира”, а ведьмы вернулись в наш мир, благодаря нашим с Мишкой усилиям, она стала настоящей бизнес леди – управляющей огромного торгового центра, который вырос на месте Бутусова дома. Отношения у нас были почти дружеские. Я мог позвонить ей в любое время и посоветоваться. Единственным условием нашего шаткого мира было соблюдение ведьмами договора не гадить обычным гражданам, который они свято старались соблюдать, даже несмотря на непрерывное ворчание Агриды. Агриппина открыла салон красоты, где занималась омолаживанием харьковчанок и гостей города по старинным славянским рецептам и без применения магии, используя лишь набор трав, который можно купить в любой аптеке. Вообще колдуньи вполне себе ассимилировались в нашем суматошном обществе двадцать первого века. Только старая чародейка Агрида отправилась в Чугуев, где представляла себя, как экстрасенса и параллельно искала сокровища Хазарского Каганата и столицу его Шарукань.

– Привет, Дворкин!– весело, немного задыхаясь от быстрого шага, произнесла мне в трубку Алаида.

– Доброго дня, труженицам колдовского промысла и торгового бизнеса!– бодро ответил я на приветствия, косясь на спящего на спинке дивна Семена.

– Так уж и бизнеса... Фарцуем по-маленьку...– рассмеялась колдунья.– Чего хотел, правнук великого инквизитора?

– У меня тут проблемка одна нарисовалась. Помощь твоя нужна...– тихим голосом проговорил я, стараясь не разбудить домового. Светка что-то горячо обсуждала с Эльвирой Олеговной на кухне. Мишка рубился в какую-то стрелялку на компьютере у себя, но все это мохнатому комочку не мешало сладко дрыхнуть, подложив под лохматые щеки две розовые ладони.

– Что случилось?– враз посерьезнела Алаида, видимо остановившись, потому что дыхание в трубке резко стало ровным и спокойным.

– Ко мне пришел домовый!– сообщил я с улыбкой разглядывая маленькое магическое существо.

– Что?– переспросила Алаида, враз изменившимся голосом.

– Утром просыпаюсь, а по кухне бегает с веником маленький лохматый... На домовенка из мультика похож...

Ведьма не дала мне договорить.

– Опиши мне его!– быстро попросила она. И что-то в ее встревоженном голосе меня испугало. – Быстро, Дворкин!

– Чуть больше кошки, ходит на двух лапах, ушки-кисточками, милый такой...– начал я, но был бессовестно перебит Алаидой.

– Он тебя слышит?– уже спокойнее уточнила колдунья.

– Спит вроде...– я ничего не мог понять, почему сообщение об обычном домовом вызвало у волшебницы такую бурю эмоций? Что в этом существе было такого опасного?

– Отойди от него подальше и слушай меня внимательно...

Я сделал шаг назад, шмыгнув в нашу со Светкой спальню. Прикрыл за собой плотно дверь. На всякий случай отошел к окну.

– Отошел?

– Ну да...

– Чужой домовый к тебе придти не может в принципе!– сообщила мне Алаида.– Домовые навсегда привязываются к хозяевам плохие они или хорошие и до самой смерти верны им.

– То есть...– начало до меня доходить.

– Именно так, мой дорогой Дворкин! Это чужой домовый, и он верен своему хозяину до конца.

– Хозяйке,– угрюмо поправил я ведьму, вспоминая, что Семен при знакомстве мне сообщил об этом.

– Ты знаешь чей он?– недоуменно спросила Алаида.

– Это домовый Миланы, он сам мне об этом признался,– грустно проговорил я.

– И ты его держишь дома? – зло прошептала колдунья.– Ну ты и кретин, Дворкин! Поселить у себя домового своего врага...

– Он симпатичный и честно обо всем рассказал.

– Кроме того зачем он пришел к тебе!– оборвала меня колдунья.– Значит так...Я буду через ...где-то через полчаса. Постарайся не выдать себя. Иначе...

– Что иначе? Ты понимаешь, что у меня тут Мишка и Светка беременная, не говоря уже о сильно впечатлительной Эльвире Олеговне. Та еще от первого знакомства с Семеном отойти не может...– я прислушался. Голоса на кухне стали громче. Теща утверждала, что я самый настоящий псих. И за последние полгода с ней случилось больше мистических историй, чем в восьми сезонах с героями сериала “Сверхъестественное”. Жена меня горячо защищала,

как и обычно бывало тогда. Когда у Олеговны случались нервные срывы в отношении моей скромной персоны.

– Мишка у тебя тоже не промах, да и ты кое-какими способностями владеешь. Так что продержишься...

В трубке запиликали короткие гудки. Алаида отключилась, сорвавшись, видимо, ловить такси. Я с сожалением заблокировал телефон и отвернулся ото окна. Замер, потому как сердце опустилось куда-то в пятки. На пороге стоял домовый Семен и хмуро покачивал головой. Он слышал практически весь наш с ведьмой разговор.

– Догадался сам или подсказала старуха Алаида?– уточнил он тихим угрожающим голосом. Теперь его мордашка не выглядела умильной. Ушки-кисточки выпрямились, из-под пушистой верхней губы медленно вылезали острые клыки, а бусинки глаз совсем сузились и горели мстительным огнем.

– Семен...

– Ты убил мою хозяйку, которой я служил верой и правдой почти сто лет!– маленькие кулачки его разжались, а из мягких розовых подушечек вылезли пять коготков, по своей остроте не уступающих скальпелю.– Лишил меня дома...Смысла моей жизни. Теперь моя очередь!

– Семен, подожди! Дай мне все объяснить...

Я не видел, как он прыгнул вперед. Только что-то черное мелькнуло по стене, сигануло на плафон и, оттолкнувшись от него, опустилось рядом. Плечо обожгло острой болью. Я отшатнулся, скосил глаза на порез. Прямо посреди груди, будто бороной, пропаханная кожа, вскрылась сразу багровыми разрезами. Домовой отскочил, запрыгнув на спинку кресла.

– Я буду убивать тебя медленно, но для начала я лишу тебя всего!– домовый подпрыгнул высоко вверх, сделал сальто через мою голову, оказавшись в одно мгновение позади меня. Он был очень быстр, слишком быстр даже для человеческого взгляда. Боль пронзила спину. Я подался назад, разворачиваясь на пятках. Сердце бешено стучало. Лишь бы сюда не зашла Светка...

Как назло, в коридоре послышались ее тяжелые шаги. О чем-то ворча. Жена двигалась к нашей спальне. Вот ее тень стала за дверью, потянула за ручку.

– Света, беги!– проорал я, бросаясь к замершему домовому., пытаюсь ухватить его за хвост. Пальцы беспомощно скользнули по черному меху...

– Что такое...– дверь распахнулась. На пороге стояла моя беременная жена, поглаживающая живот и с наслаждением грызущая свежее яблоко. Ее растерянные глаза метнулись ко мне, лежащему на полу в крови, а потом на разъяренного домового.

– Дворкин...– прошептала она, подаваясь назад. Ноги перестали меня слушаться. Боль в распоротой спине не давала кинуться, чтобы спасти жену.

– Назад!– прокричал я одновременно с броском вперед Семена. Время, словно замерло. Потекло медленно, будто патока. Я видел острые коготки чудовища – прощального подарка Миланы, наблюдал, как они приближаются к Светкиной шее. Видел, но ничего не мог сделать, обездвиженный болью в пояснице. Это было страшно! Ужасно и больно!

– Назад!– кажется, я даже успел крикнуть эти слова дважды. Черный мохнатый клубок целеустремленно летел вперед, раздвигая тягучее пространство. Сейчас все пять ножей войдут в тонкую шею жены, прошьют ее насквозь...

– Нет!– заорал я, отчаянно дернувшись вперед из последних сил, но в этот момент что-то огненное вылетело из Мишкиной спальни. Клубок огня ударил прямо в косматый, поросший черной шерстью бок домового, сбросив его с траектории полета. Семен ударился о дверную коробку, отлетел в сторону, обиженно воя. Запахло смоленной курицей. Бок чудовища дымился. Света так и не успела сделать ни шагу. Замерла, лишь моргая глазами, надкусив красный бок яблока.

Боль в спине стала нестерпимой. На шум выбежала из кухни Эльвира Олеговна со сковородкой наперевес. Мишка в коридоре держал наготове еще один огненный шар. Спасибо сыну, что он владеет хоть какими-то зачатками магии в отличие от меня, обычного писателя, да к тому же раззявы, каких мало.

Домовой несколько раз дернулся. Уставившись на меня ненавидящим взглядом и затих. Так длилось несколько секунд, а потом раздался громкий хлопок, будто лопнул воздушный шарик. Семен растворился в воздухе, оставив после себя горьковатый запах серы. Светка бросилась ко мне, с трудом наклоняясь из-за уже большого животика. Кровь не останавливалась, но вот странно... я почти уже не ощущал боли, только глухое онемение в конечностях.

– Саша! Ты как?– Мишка бросился ко мне. Шар в его маленьких руках медленно с шипением погас. – Мама, что с Сашей?

– Сашенька, дорогой...Любимый...– Светка отчаянно редела, размазывая текущие по щекам слезы, гладила меня по спине, но я ее ладоней почти не чувствовал. Холод проник мне в сердце. Через кровь добираться до мозга.

– Отойдите все от него!– хлопнула входная дверь и в нашу спальню вбежала запыхавшаяся Алаида. Отодвинула в сторону от прохода Эльвиру Олеговну, все еще стоявшую в коридоре со сковородкой. Присела рядом со мной, отстранив руки Светы от моего лица.

– Тебе нельзя к нему прикасаться,– проговорила четко она, кивнув на живот, где жила еще не родившаяся на свет Дворкина Дарья Александровна.

– Алаида Львовна...– начал было Мишка.

– Выйдите все...– попросила ведьма, рассматривая мои раны, но домашние не сделали и шагу. Тогда Шпиц повысила голос, почти прокричала.

– Тут нужен обряд! Пошли вон отсюда! Не видите, что он умирает?!

Только эти слова привели в чувства мою семью. Эльвира Олеговна взяла за руку Мишку, а тот потянул за собой плачущую Светку, все порывающуюся мне остановить кровь йодом или зеленкой. Это в ней сработал инстинкт врача. Она мало верила в магию, а раньше не верила вообще. Пока не познакомилась со мной и не вышла за меня замуж.

– Спаси его...– прошептала она напоследок Алаиде Шпиц, уже не обращающей ни на кого никакого внимания, лишь сосредоточенно рассматривающей мои раны.

– Что ж ты, Дворкин так лопухнулся...– пробормотала она, аккуратно снимая с меня остатки футболки, насквозь пропитанной кровью. Сознание помутнело, мой язык стал вялый и какой-то тяжелый, мне даже шевельнуть им было трудно. Во рту появился какой-то металлический привкус. – Говорила же, что надо меня дожидаться...

– Он...он...сам!– выдохнул я из последних сил, чувствуя, как противный мерзкий холод сковывает грудную клетку, и я перестаю дышать.– Подслушал...нас...

– Терпи, Дворкин!– шепнула она мне, нажимая на мои раны. Из разрезанной кожи пошла густая бордовая кровь, стекла по спине тонкой струйкой. Я завопил, но не смог даже дернуться. Все тело одеревенело и стало неподвижным. – Заклятие это! И только заклятием его можно снять,– пробормотала Алаида, делая какие-то таинственные пассы над моей спиной.– Ах, Милана, ах маленькая стерва...Как ловко все заплела! А все думали, что девчонка посредственность каких мало...Оттого и не опасались ее ни капельки...Кровь от крови, душа от смерти, унеси речка глубокая, трава высокая заклинье мертвое, заклинье смертное. Ветер буйный, ветер славный заведи боль, залечи раны, медом сладким, полынью горькой. Кровь от крови, душа от смерти...

Алаида повторяла этот наговор казалось бы бесконечно, вгоняя и себя и меня в некое подобие транса. То ли от ран, то ли от монотонного певучего голоса и теплых рук колдуньи, мои глаза начали понемногу закрываться. Сознание заволочло туманом, сквозь плотные клубы которого слышалось настойчивое заклинье:

– Ветер буйный, ветер славный забери боль, залечи раны, медом сладким, полынью горькой. Кровь от крови, душа от смерти...

– Алаида... – прошептал я. Холод ушел. Теперь в области моей изрезанной спины горел пожар. Губы пересохли и потрескались. Я с трудом мог повернуть голову и увидел, как ведьма проводит своими тонкими руками над моим телом, а из ее ладоней течет зеленоватый свет, от которого и исходит сумасшедший жар.

– Лежи уж... Кровь от крови, душа от смерти...

Я не помню сколько это длилось. Может час. А может и больше, потому что за дверью уже стояла Эльвира Олеговна и настоятельно требовала войти и посмотреть результат, потому как внучку она конечно хочет, но кормить и растить ее должна не бабушка, а родной отец. Послушав немного, волшебница, устало откинулась на пол, тяжело выдохнув. Я уже вполне мог повернуться и даже рассмотреть чародейку-спасительницу. Она была бледна, под глазами выползли морщины и темные круги, будто она всю ночь выгружала вагон с цементом, а потом еще и не спала больше суток. Такую ее я еще не видел. Слишком изможденной она была, словно отдала часть своей жизненной силы мне.

– Никогда не думала. Что буду спасать жизнь Дворкину... – проговорила она, усмехаясь.

– А оно вон как повернулось... Жизнь вообще штука непредсказуемая, – я облизал высохшие губы и привстал, опираясь на кровать. – Эльвира Олеговна, можете заходить... – позвал я, но вместо тещи, будто бы и не беременная вовсе залетела Светка. Схватила меня за лицо, внимательно всматриваясь в мои серые глаза.

– Живой! Как ты? Может все-таки скорую вызовем? – словно куклу, она вертела меня, разглядывая со всех сторон. – Только шрамы и ничего... А как же... А бинты? Антибиотики? А вдруг там зараза осталась?

– Все хорошо, малыш, – через силу улыбнулся я, вяло чмокнув ее в щеку, – все уже нормально.

Алаида пришла в себя. Встала, отряхнулась, поправив задравшееся до колен изумрудное платье. Поймала на себе выжидающий взгляд тещи. Улыбнулась и вынесла свой строгий вердикт.

– Жить будет!

– Слава Богу! – облегченно выдохнула Эльвира Олеговна, отправляясь на кухню ставить чайник. Мишка заинтересованно крутился возле ведьмы, пытаясь развести ее на обучение.

– Алаида Львовна, ну что вам стоит!? – обиженно дул губы он. – А если бы вы не успели? Что тогда. Саше пришлось бы умирать?

– Но я же успела? – чародейка потрепала парня по волосам.

– А вдруг...

– Поговорим об обучении потом, – съехала она с темы, поймав строгий Светкин взгляд. В отношении Мишки у нее был четкий, давно построенный план. Отдать ребенка в повара, чтобы получил нормальную профессию, а не бегал, как Дворкин в поисках приключений по всему Харькову, чудом избегая гибели от рук или лап магов всех мастей. Всякие возражения по этому поводу она не принимала, а когда с ней спорили – злилась.

Я приобнял жену и понемногу встал. Кожа немножко саднила. Но я мог ходить, говорить, двигаться, жить! Это было самое главное. С любовью поцеловал жену, ее животик и Мишку, который спас сегодня жизнь не только своей матери, но и не родившейся сестре.

– Молодец, Миш! – похвалил я его, пожимая руку. – Как это у тебя с огненным шаром вышло-то?

– Как в фильме! – обрадовался сын. – Представляешь, как круто, я стою, вижу, что эта тварь бросается на маму, а тут в руке вспыхивает...

– Идите пить чай! – позвала всех с кухни Эльвира Олеговна, которая за такое короткое время уже успела накрыть на стол. Я посмотрел на светлый ламинат. На почти желтом фоне

расплывалось кровавое пятно, натекавшее из-под меня. Шпиц поймала мой взгляд и слегка подмигнула. Капельки стали скатываться обратно, висли в воздухе, мерцая всеми своими эритроцитами, а потом испарились совсем, будто их тут и не было вовсе.

– Хороший способ уборки!– похвалила ее Света.– Мне бы такой, а то с этими охламонами никаких сил не хватает убирать.

– Это точно!– поддержала ее из кухни все слышащая Эльвира Олеговна.– А Дворкин между прочим давно обещал мне новый пылесос...

– Мам, он полчаса назад чуть не умер!– укоризненно посмотрела на нее Светка.

– Вот я и напоминаю на всякий случай, а то хрен его знает, когда ему опять помереть вздумается!– все рассмеялись и начали рассаживаться за столом. Мишка ухватил несколько вкусных печенок и смотался доигрывать в свою компьютерную игру. Алаида обессиленно откинулась на спинку кухонного уголка и прикрыла глаза. От глотка чая ей немного стало лучше, по крайней мере взгляд стал более осмысленным. Мы втроем пили кофе.

– Так что это была за тварь?– поинтересовалась теща, дабы поддержать разговор.

– Домовой...– начала объяснять Алаида.– Просто настоящий домовый несколько отличается от образа, созданного в нашей голове. Это не косматый паренек, вымазанный печным нагаром, а настоящее существо очень сильное и смертельно опасное, верное своему хозяину и способное за него умереть.

– И отомстить...– добавила Света, поглаживая живот.

– Как оказалось и это тоже! Скорее всего ни големы были прощальным подарком Миланы, а эта тварь, которая должна была вас, когда все успокоится, уничтожить.

– Сюрприз удался на славу!– улыбнулся я, отхлебнув из большой чашки кофе.

В дверь позвонили. Мишка рванул из своей комнаты, бросившись открывать.

– Это Даня в гости пришел!– прокричал он из коридора, но я вышел туда раньше. Щелкнул замками, не глядя в глазок. На пороге стояла улыбающаяся Красовская, а под мышкой у нее был зажат пакет с “Киевским тортиком”. Такое хитрое лицо у нее бывало только тогда, когда она мне хотела предложить какую-нибудь очередную авантюру. Я молча захлопнул прямо перед ней дверь. Хватит с меня атаки домового. Звонок настойчиво продолжил трезвонить.

– Саша, кто там?

– Это Даня!– прокричал Мишка, не увидев Яны.

– Так впускайте...– повелела Эльвира Олеговна. Я вздохнул и снова отпер засовы.

– Что надо?– невежливо поинтересовался я у своей закадычной подруги.

– Дело есть!– радостно сообщила журналистка.– Впустишь?

Ну куда ее прикажете деть эту настырную журналистку, акулу пера “вечернего Харькова”? Я со вздохом отодвинулся в сторону, пропуская ее в квартиру.

– Сашуль, кто там?– прокричала мне из кухни Светка.

– Красовская!– ответил я, показывая Янке, где мы можем поговорить.

– Дворкин, Дворкин... ты все фамильничаешь!– покачала она укоризненно головой, разуваясь, натягивая домашние тапочки, предложенные мной.

– Ох... Яночка...– Светлана обнялась с журналисткой, чмокнув ее по-дружески в щечку.– А у нас тут такое! Ты не поверишь...

Жена подхватила Красовскую под руку, потащив на кухню. Женщины счастливо загомонили, будто птицы на базаре. Мы с Мишкой переглянулись и поняли, что скорее всего лишние на этом празднике жизни.

– Саша...– позвала меня Яна, помешивая свежесваренный тещей кофе.

– Нет!– угрюмо буркнул я, присаживаясь рядом с женой.

– Что нет?– не поняла журналистка.

– Все нет! Чтобы ты не предложила – однозначный мой ответ нет!

– Дворкин! Это по крайней мере невежливо!– укоризненно посмотрела на меня теща.– Нельзя отказывать людям, не узнав, что они от тебя хотят.

– Я знаю, что она,– я указала на покрасневшую Красовскую,– от меня не хочет ничего, кроме как ввязаться в очередную авантюру!

– А ты не хочешь?– удивилась Светлана. Вот он женский коллектив и пресловутая солидарность. Совсем недавно она с тещей меня пилила за то, что я постоянно влипаю во всякие магические истории, а теперь нате...распишитесь. Уже защищает и просит выслушать.

– Не хочу, представь себе! Ты носишь Дашку, Мишке скоро поступать в колледж, Эльвира Олеговна...– я оценивающе посмотрел на тещу, пытаюсь найти изъяны.– Уже не та...

– Я еще...

– Спасибо, Эльвира Олеговна! Я понял!– перебил я ее.– А ты, Алаида? Тоже считаешь как все?

– Если честно, то мне просто интересно,– пожала дипломатично плечами ведьма.

– Хорошо!– примирительно поднял руки я.– Рассказывай!

И Красовская под кофе со сладким поведала нам о таинственном убийстве в Шаровском замке, о том, что Заславский очень просит помочь, проверив поместье на предмет магии и колдовства.

– А Слава может покупать и реставрировать какие-нибудь здания, где никого не убивают?– съязвил я, когда Яна закончила.– Или у него такое хобби?

– Саш...у человека проблемы, а ты...– укоризненно поглядела на меня жена.

– А я не хочу впутываться в эту историю. Мне хватило домового...

– Какого домового?– оживилась Яна, а ей тут же все донесла не в меру болтливая теща. Пока они беседовали, я раздумывал над историей, которой со мной поделилась журналистка. Какое непонятное шестое чувство кричало мне о том. Что это все ничем хорошим не кончится, что сюжет книжки можно придумать и не освоенный на реальных событиях. Вообще не хотелось и все тут!

– Так что сказать, Славе?

– Скажи, что Дворкин улетел на Багамы!– разозлился я.

– Саш, может я тебе помогу?– предложила Алаида Шпиц.

– Чем? Мы что следователи? Мы раскроем двойное убийство?

– Зачем ты так?– обиделась ведьма.

– Просто походим, подышим свежим воздухом,– добавила Света, поглаживая живот,– нам это с Дашей полезно.

– Говорят там места красивые...– мечтательно вздохнула теща.– А я уже сто лет никуда не выбиралась! Пылесос ты мне все равно не купишь, а вот на замок настоящий посмотреть...

– Хватит!– стукнул я кулаком по столу.– Вашу позицию я уже понял...Миш, а ты?– я обернулся к сыну, надеясь хотя бы у него найти поддержку.

– Саш, ну а что мы теряем? Только представь, настоящий замок...

– Значит все за? Один я дурак против?– выдохнул я.

Все потупили глаза, словно оставили мне выбор для принятия решения. Хитрецы!

– Звони, Славе!– после небольшой паузы попросил я Янку.– Пусть там нам все организует...

– Ура!– радостно закричал мой женский батальон, побежав собираться, но вот лично я вовсе не разделял их радость. Что-то мне подсказывало, что эта история не так проста, как кажется на первый взгляд, и я еще пожалею, поддавшись на их уговоры.

Глава 6

Жажда...Нечто мало напоминающее человека медленно пробиралось по парку Шаровского замка. Худое бледное тело, одетое в какие-то лохмотья, сгорбленная фигура, вытянутое лицо. Жажда выгнала это нечто наружу! Горло сипело, с трудом проталкивая в легкие воздух,

а разум, измученный годом спячки затуманился от предвкушения пиршества. Оно баловало себя уже второй день. Так много людей здесь не было очень давно... Очень... Оно даже не помнило сколько! Пять, десять лет, а может всего лишь год, показавшийся вечностью.

Странное существо оскалило пасть, бывшее когда-то ртом похожий на человеческий. Из-под нижней губы выдвинулись окровавленные клыки. Теперь кости вытянулись, стали крепче, но вместе с тем намного уродливее. Жажда... Крепкие длинные руки, опускавшиеся ниже колен, создавали образ какого-то доисторического человека. Грубая, вонючая, свалывшаяся шерсть покрывало довольно хилое сморщенное тельце, не знающее солнечного света.

– Ррр... – прорывало существо нечто невразумительное. Липкая красная кровь растеклась по груди, красные зрачки глаз внимательно обшаривали окрестности, будто ждали отовсюду опасность. Именно так и было, когда злобные селяне с вилами и топорами открыли охоту за чудовищем. Которое убивало скотину, рвало на части их соседей, родственников, друзей. Оно прекрасно помнило, как они ходили по лесу, парку, ища причину гибели людей, а оно была рядом. Слышало шорох их шагов, шелест листвы под их грубо сшитыми ботинками, старалось не дышать, чтобы не выдать себя то ли рыком, то ли стоном, потому что жажда, приходящая раз в год гнала ее искать добычу, утолять голод.

Ее так и не нашли. Время гона прошло, и существо уснуло на год, чтобы проснуться вновь и заставить жить в страхе всю округу почти неделю. Сегодня был второй день гона. Четвертая жертва, которую спишут на какого-нибудь маньяка, которого так и не найдут.

– Ррр... – эти двое были совсем молоденькие. Свежее мясо, юная кровь, слаще которой ничего в этом мире не может быть. Этот пряный дурманящий запах сводил с ума, заставлял терзать беззащитное тело, наплевав на опасности. – Ррр...

Существо хрюкнуло и медленно побрело по тенистой аллее парка. Лишь полная круглая луна с синими проплешинами кратеров была свидетельницей гона, лишь она мать всего сущего с молчаливым одобрением светила, когда хрустели под острыми, будто скальпель зубами, кости, лопалась кожа, вываливая наружу все потроха человеческие.

– Ррр!

Жажда утолена. Завтра третий день гона. Аллея была пуста. Сколько воспоминаний связано с ней. С этими липами, вытоптанными дорожками, глубоким прудом, затянутым зеленой ряской. Тогда еще не было гона! Не было жажды!

Существо напряженно повело сломанным и неправильно сросшимся кривым носом. В воздухе появилось что-то неправильное, не местное...

– Ррр! Неужели судьба подарила на сегодня и третью жертву?

Присев на корточки, существо мягко опустилось на передние лапы. Верхняя губа поднялась, обнажив клыки. Серая шерсть на загривке стала дыбом. Острые когти медленно вошли в мягкую сырую землю.

Шорох стал все отчетливее. Кто-то медленно и осторожно шел за ней по аллее. Или не за ней, но буквально в нескольких сотнях шагов. Оно слышала терпкий запах дорогого парфюма, различала еле заметный запах крепкого мужского пота. Значит все-таки жертва...

Рисковать было нельзя. Существо и так сильно наследило, и оно это понимало прекрасно. Перегибать палку тоже было нельзя. Ее учили... ей говорили когда-то давно, что лучше всего один к одному. Одни сутки гона – одна жертва, но жажда... Этот тягучий, сосущий зов крови, мяса, убийства... Как не сойти с ума, когда у тебя в голове бьется лишь одна мысль, что надо убить кого-то, чтобы жить самому? Существо дернулось в сторону и почесалось, пользуясь для этого лапой, заменяющей одну из ног. Когти вяло врезались в свалывшуюся шерсть, замерли на полпути.

Надо бежать... Надо бежать домой... Туда, где можно поспать, где жажда не достанет, не придет, требуя свежую жертву. Существо нелепо дернулось из стороны в сторону, при этом было видно, что это просто обычная нерешительность, а на самом деле оно может передви-

гаться намного быстрее. Справа и слева росли кусты, дивные липы, когда давно посаженные здесь заботливыми руками хозяина, посреди них узкая, натопанная дорожка, ведущая к месту упокоения.

– Rpp!– тоскливо зарычало существо.– Rpp!

Надо бежать, пока некто не показался вначале аллее и не заметил, не разглядел в ночных сумерках сгорбленную фигуру на четырех конечностях. Иначе поднимется паника, начнутся поиски, ей придется уснуть, так и не утолив жажду, которая будет мучить еще год, высасывая последние соки, медленно и неотвратно трансформируя тело во что-то еще более ужасное и неповторимое, чуждое и зверю, и человеку. Совсем не такой судьбы хотелось когда-то... Хотелось счастья, тепла, заботы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.